

ПРОЛОГ

в котором у охотников урчит в желудке

Пусто, пусто, пусто...

Повсюду пусто: вокруг, внутри... От одиночества не спасают даже бегущие рядом родичи. Их ровное дыхание дарило чувство защищенности, однако охотник не мог побороть охватившую его неуверенность. И не только он. Все охотники пребывали в растерянности, вся стая. Они нервничали, поскольку не понимали, что происходит: камни, скалы, поросшие лесом склоны, трава — все вокруг знакомо и незнакомо одновременно. Горы и деревья — знакомы, запахи — нет. Охотники знали, что такое горы, знали, что такое деревья, они должны были успокоиться, вырвавшись из того страшного места, где побывали несколько часов назад, но продолжали тревожиться, мешали чужие запахи, совсем не такие, как в других горах и деревьях. Чужие и странные. Трава другая, деревья другие, добыча... Добычи нет. Настоящей добычи, большой и питательной, — нет. Мелкая прячется под камнями, шмыгает в норки, торопясь укрыться от страшных чужаков, но переполох напрасен: мелкие — не добыча. Охотники чуяли ужас трясущихся в норках зверьков, но пробегали мимо. Были голодны, но пробегали мимо, потому что это — не добыча. Двумя-тремя мелкими шестерым охотникам не наестся, нужно искать что-то большее. Нужно изучать незнакомые ароматы, стараясь найти в них запах добычи. Запах сочного мяса. А главное — запах

страха, который издает добыча, чувствуя приближение охотника.

Но добычи нет.

Пусто.

И внутри тоже пусто, потому что исчез Лидер.

Шесть охотников давно вышли из щенячьего возраста. Все они были взрослыми, сильными самцами, и каждый мог позаботиться о себе. Так было заложено в их природе — заботиться о себе самостоятельно. Шесть охотников были одиночками по сути, но их долго учили жить в стае, и они привыкли полагаться на Лидера. Они признали его вожаком, доверяли и с удовольствием подчинялись. Они любили Лидера, и теперь, оставшись одни, чувствовали себя неуютно. Срывались по пустякам, огрызались друг на друга и подсознательно искали не столько добычу, сколько его — Лидера. Они надеялись, что он сумел вырваться из того страшного места, где они оказались несколько часов назад.

Но добычи не было.

И Лидера — тоже.

И знакомо-незнакомая местность вызывала у охотников понятное отвращение.

Деревья, скалы, чужие запахи... Мы одни.

Все не так!

Через пару часов бега они остановились. Река все время была рядом, бурлила меж камней, казалось бы — удержишься, попей и догоняй остальных, — но охотники привыкли жить в стае, а потому бежали до тех пор, пока один из них не подал сигнал, что пора отдохнуть. Пора, значит, пора. Кто-то улегся на камни, невозмутимо разглядывая остальных, кто-то принялся лакать воду, а один и вовсе вошел в холодный поток, стараясь отыскать водяную добычу. Напрасно. Пусто...

Нет!

Вошедший в воду охотник вдруг поднял голову и выдал короткий, похожий на кашель, лай:

— Кха!

Стая насторожилась.

Охотники легко обходились без звуков, но считали, что те прибавляют общению выразительности, и лающий кашель показывал, что дело важное.

— Кхе-ер!

«Добыча?»

Очень похоже.

«Водяная добыча?»

Нет, в реках добыча мелкая и глупая, совсем как в норах, и ради нее родич не стал бы подавать голос. Что-то другое...

Охотники вошли в воду и принялись принюхиваться, стараясь уловить едва заметные следы большой и питательной добычи.

— Кхе-ер! — вновь подал голос первый. Он был уверен, что не ошибся, но отвечать ему не спешили.

— Кхе-ер!!

— Кха!

Один из охотников повернулся к родичу и дружески ощерился:

«Не мешай — разбираемся!»

— Кхе-ер?!

«Добыча!»

Все правильно — она.

Сделав вывод, охотники выбрались из воды, отряхнулись и уселись на камнях, образовав почти правильный круг. Им нужно было подумать.

Родич не ошибся — в верховьях реки действительно водилась питательная добыча со знакомым запахом. Не самая вкусная, зато легкая. Охотникам не терпелось познакомиться с ней, однако идти придется далеко, и они точно потеряют Лидера.

— Кха! — кашлянул нетерпеливый.

«Его больше нет».

Лидер слабее охотников и вряд ли вырвался из того страшного места.

— Кха!

«Надо идти!»

Охотники покачали лобастыми головами, но спорить не стали: чтобы жить, нужна добыча. А Лидер и в самом деле потерялся. Остался в страшном месте, из которого они вырвались несколько часов назад, и, возможно, его больше нет. А если он есть — охотники не могли не надеяться на счастливый исход, — он обязательно их отыщет.

— Кха!

И стая направилась вверх по реке.

ГЛАВА 1,

*в которой счастливицам становится страшно,
Алокаридас поднимает тревогу, а Осчик ловит
Знак Пустоты*

ГРОЗНЫЙ

Это Пустота?

Это и есть та самая Пустота?

Великое Ничто без воздуха и света? Без жизни и без надежды? Манящая. Таинственная. Пугающая одним лишь именем...

Так вот какая ты, Пустота!

Здравствуй.

Здравствуй, Пустота, которая таит в себе все. Здравствуй, загадка. Здравствуй, то, чего нет, и то, что будет всегда. Последнее мое пристанище, последний мой сферопорт. Здравствуй, моя смерть.

Здравствуй.

Почему все тебя боятся? Почему холодеют, попадая в твои объятия? Почему боялся я? Раньше боялся... И почему не испытываю страха сейчас? Я стал сильным или смирился? Понял смысл неотвратимости или признал поражение?

Я еще — я?

Или Знаки твои уже сделали меня другим?

Или вопросы мои звучат не здесь, а там? После того, что было раньше. После того, что называлось жизнью. Где я, Пустота? Еще здесь или уже там? Или на границе? На

едва различимой ниточке, натянутой между «тогда» и «потом». На ниточке, с трудом выдерживающей тяжесть моей души? Сколько вечных секунд длится наш разговор? И для чего он нужен? Ужели вопросы мои и есть мой страх? Я сказал, что не боюсь, а ты смолчала. А я только сейчас понял, что никогда раньше не задавал столько вопросов подряд. Ты видишь меня насквозь, а я тебя не понимаю, но ты все равно не Бог.

Ты просто есть. И у тебя есть тайны.

И тайны делают тебя страшной, а вовсе не то, что ты убиваешь. Потому что страх смерти покинул меня давно, а обычный страх — еще раньше. Но нет в тебе ничего обыкновенного, и страхи мои вернулись. И я смотрю на тебя, Пустота, и говорю:

Здравствуй...

Пустота?!

Движение и крик произошли вдруг. Одновременно. Еще до того, как пришел страх и доказал: ты жив. Крик стал взрывом души, а движение — попыткой ударить.

Он кричал и защищался. Он не знал, где находится, не знал, жив ли, но был готов к бою. Потому что не умел сдаваться. Даже сейчас, с трудом поднимая руки, не научился. Не захотел учиться.

Движение и крик...

А в следующий миг он понял, что задыхается. Он был в Пустоте и запретил себе дышать. Он боролся даже там, в Ничто, не имея никакой надежды, но силы не беспредельны, и сейчас он потерпит поражение. Он почувствовал ярость и злость, он попытался продержаться еще секунду, еще половину секунды, еще четверть, но... Но паникующие инстинкты ответили: «нет». И парализовали волю.

Тело хотело дышать. Тело требовало кислорода, жаждало его, хотело жить, и...

И он глубоко вздохнул, не желая того. Понимая, что глоток Пустоты станет последним. Вздохнул, так и не смирившись. Но прощаясь.

Он глубоко вздохнул, и его легкие наполнились чистым, свежим воздухом.

«Где же Пустота?»

Нет, не сразу. Не сразу и не так. Эта мысль пришла потом, потому что сначала он был слишком занят. Он дышал.

Он сделал четыре глубоких вдоха, успокоил перепуганное тело и только после этого осознал, что видит.

«Где же Пустота?»

Ветки.

Нет, не ветки — куст.

Нет. Дерево. Точнее — пышный куст, усеянный бесчисленными белыми цветочками, и несколько деревьев.

А еще — камень.

Очень большой камень, который следовало бы назвать скалой. А рядом с ним — камни поменьше. А сразу за ним — совсем огромные, уходящие вверх...

За тем камнем, который следовало бы назвать скалой, высились настоящие скалы, которые нельзя было назвать никак иначе.

И следующая мысль звучала так:

«Где я?»

Скалы и деревья. Горы. Залитые свежим воздухом, а значит — жизнью. Здесь можно дышать и нет Пустоты. Здесь все настоящее. И он настоящий. И он жив.

Наверное, потому, что не сдался.

«Где я?»

Он рывком поднялся на ноги и вскрикнул. Не смог сдержаться, потому что не ожидал столь сильной боли. Потому что иглы вдруг пронзили его ноги, а кузнечный молот врезался в грудь. Потому что в животе поселилась ледяная глыба, а в голову насыпали раскаленных углей.

Потому что никто не смог бы подготовиться к такой атаке.

— Ядреная пришпа!

Но на ногах удержался. Не упал, не стал кататься по земле, хотя очень хотелось. Не кричал больше и даже не ругался. Терпел, шумно дыша, и лишь через минуту, показавшуюся часом, когда боль отступила столь же внезапно, как навалилась, он слизнул с губ кровь и усмехнулся:

— Ну и где, спорки ее сожри, Пустота?

Огляделся внимательнее и увидел. Не Пустоту — спорки.

КУГА

Ужас.

К нему невозможно подготовиться, невозможно стиснуть зубы и сказать себе: «Прорвусь!», потому что в самом этом слове заложено:

Ужас.

Коротко и ясно. Емко. Окончательно.

Страх, с которым ты способен бороться, остался в прошлом. Каким бы он ни был: липким, холодным или изнуряющим, он уже сыграл свою роль: он подготовил тебя к последнему своему проявлению, к царю своему.

Кужасу.

Что наваливается всем весом, стискивает душу холодными лапами и кутает в плотную вату непонимания. Отключается разум, чувства пляшут кадрили, и ты покидаешь мир, пропадая в колодце безнадежности. Если повезет — выведут инстинкты, ведь желание жить пропитывает каждую клеточку, но... Но на самом деле должно повезти дважды: чтобы инстинкты не подкачали и чтобы существовал путь к спасению. Хоть какой-нибудь путь, хоть тропинка, хоть натянутый над пропастью канат... Должна быть надежда, в которую вцепятся инстинкты,

*должен быть слабенький лучик в угольной тьме отчаяния,
должен быть...*

Но только не в Пустоте.

Не в этом злобном Ничто.

Не там, где пропадает все, включая души.

В Пустоте есть только ужас...

— Нет!

— Все хорошо...

— Я не хочу умирать!

— И не надо...

Она смотрела широко распахнутыми глазами, но ничего не видела. Пронзительно кричала, но не слышала себя. Царапала ногтями шею, но не испытывала боли. Не понимала, что дышит, и жаждала свежего воздуха. Затуманенный разум шептал: «Ты умираешь!» — и она верила.

— Помогите!

Ужас не отпускал.

— Помогите!!

Из невидящих глаз текли слезы, а лицо стремительно синело.

— Помогите!!!

Он знал, что так иногда бывает после Пустоты: человеку кажется, что он еще в ней. Что Знак ее или дыхание не отпускают, тянут назад, в Ничто, не позволяют освободиться и в конце концов убивают. И еще он знал, что девушка может остаться в своем кошмаре навсегда. Не увидеть спасительного огонька, не понять, что все обошлось, и умереть. Задохнуться прямо здесь, на берегу горной реки, потому что спятлившие инстинкты скажут: «Тебе конец!»

И она поверит.

Он знал, а потому ударил. Влепил кричащей девчонке пощечину, за которой тут же последовала еще одна.

— Все в порядке! Ты слышишь? Все в порядке!

— Я не хочу умирать!!

Он тряс ее за плечи и кричал:

— В порядке! — И снова кричал: — В порядке! Ты здесь!

Не знал, что сказать еще, как достучаться до сознания перепуганной девушки.

— Помогите!

Еще один удар. Жесткий, в кровь разбивший губы.

— Очнись!

С цепарями, тружениками звездных дорог, такие фокусы проходят, цепари приучены реагировать на боль, сразу понимают: раз больно, значит, жив. Иные даже отмахиваться начинают, показывая, что вернулись. А вот девчонка...

— Я могу дышать.

«Ну, наконец-то».

— Я могу дышать!

Она не поняла, что сказала. Фраза прозвучала осмысленно, спокойно, но это была не ее фраза. Это был короткий всплеск, мгновенное просветление, после которого девушка задышала. Торопливо и жадно, захлебываясь в холодном воздухе и недоверчиво впитывая понимание того, что жива.

— Я не падаю.

А вот это уже она — настоящая, опомнившаяся. Делает выводы. Осознает себя и возвращается в мир.

— Да, — подтвердил он, — не падаешь.

И глубоко вздохнул, довольный тем, что спас незнакомку. А может, и не спас, может, она справилась сама, но главное — справилась. И на душе стало тепло.

— Ты не падаешь. И ты можешь дышать. Все в порядке.

Перед глазами повисла серая пелена, а потому она их закрыла. И замерла, не решаясь вновь поднять веки.

